

На правах рукописи

Лебедев Илья Андреевич

**РЕЦЕПЦИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО УЧЕНИЯ
О СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА**

Специальность: 5.7.2. – История философии (философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Калининград – 2025

Работа выполнена на кафедре философии и теологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет).

Научный руководитель:

Шапошников Лев Евгеньевич доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии и теологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет), Президент Мининского университета

Официальные оппоненты:

Волков Юрий Константинович доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии физического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского»

Гаврилов Игорь Борисович кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия РО-ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Ведущая организация: АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского»

Защита состоится «2» апреля 2026 года в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.273.07, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а, аудитория «Скрипториум».

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г.Калининград, ул. Университетская, д.2) и на сайте университета: <https://kantiana.ru/postgraduate/dis-list/lebedev-ilya-andreevich1/>

Автореферат разослан «___» декабря 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Тесля Андрей Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию истории осмысления категории соборности в русской интеллектуальной культуре второй половины XIX – начала XX веков. После появления данного понятия в трудах ранних славянофилов, происходит его рецепция как в академической богословской традиции, вплоть до провозглашения данного термина одним из базовых для православной догматики, так и в русской религиозной философии, в частности в философии всеединства. Первому процессу в отечественной науке посвящено немало исследований, в то время как второй аспект остается недостаточно комплексно изученным.

Актуальность исследования. Категория соборности эксплицирует одну из наиболее характерных черт русской религиозно-философской традиции, став своего рода визитной карточкой, лейтмотивом русской философской мысли. Причем этот термин приобрёл важнейшее значение для ряда сфер гуманитарного познания: историософии, антропологии, социальной философии, политологии. Помимо этого, произошла рецепция понятия «соборность» и в русском богословии, свидетельством чему служит то, что в настоящее время этот термин используется и в официальных соборных документах. При том, что смысловое поле понятия «соборность» довольно широко и имеет различные интерпретации в разных контекстах, анализ данной категории становится необходимым для всякого исследователя истории русской религиозной мысли, желающего понять её эволюцию.

Другой чертой, придающей категории соборности особое значение, является социально-политический контекст ее появления. Соборность может пониматься как альтернатива, с одной стороны, проповедуемому европейским Просвещением индивидуализму, с другой – социалистической идеологии коллективизма. Переход от сословного

традиционного общества к модерну сопровождался ломкой коллективного сознания сословных социальных групп. Этот процесс коснулся прежде всего образованного дворянского сословия, что и привело к формулированию принципа соборности в славянофильской среде. Попытки обретения новой коллективности принимали разнообразные формы, но наше общество и по сию пору далеко от реализации принципов соборности. В этом контексте рассмотрение соборности, примиряющей личность и коллектив, раскрывающейся в «единстве во множестве», как некоей альтернативы индивидуалистическому проекту, ведущему современные общества к культурному кризису, представляет особый интерес.

В современных условиях противостояния западному глобализационному проекту категория соборности приобретает и *цивилизационное* (здесь и далее во всей работе – курсив мой, Л.И.) значение. Феноменология соборности предполагает коллективное сознание, примиряющее универсальное и национальное в рамках многополюсного проекта общества, совмещающего уникальность личности и единство культурного целого без нарушения принципа свободы.

Таким образом, понятие соборности имеет несомненную актуальность в деле построения российского общества на основе традиционных ценностей, к числу которых относятся и самобытность личности, и исконно русский коллективизм. Именно анализ содержания этого понятия позволяет создать модель солидарного общества, которое при этом не пойдет по пути деперсонализации человека ради реализации общих интересов.

Степень разработанности проблемы. Первыми в русской религиозно-философской мысли, кто акцентировал особое внимание на

принципе «единства во множестве» как способе преодоления ряда теоретических проблем в общественной мысли, были А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Их учение о соборности как общественном идеале, имеющем основания в церковной традиции, обладает методологическим значением и опирается на три важнейших основания: это, во-первых, восточно-христианская патристика; во-вторых, немецкая идеалистическая философия и французский католический романтизм; в-третьих, особенности российской социальной жизни той эпохи, те внутренние и внешние вызовы, перед которыми стояла Российская Империя. Не менее важны и экклезиологические взгляды основателей славянофильства. Именно Алексей Степанович настаивал на определении Церкви как живого организма, как «единства во множестве», как «множества разумных творений, свободно покоряющихся благодати», что выражается в свободном духовном братском единении верующих людей как в церковной, так и в мирской жизни – единении, основанном на любви.

Соборность как нравственное единство в свободе и любви – идея Хомякова и Киреевского – была разработана ранними славянофилами. Велика здесь и заслуга братьев Аксаковых, Ю.Ф. Самарина и О.Ф. Миллера, А.М. Иванцова-Платонова, благодаря которым соборность и стала широко известной категорией. В работе мы используем различные источники: и издания работ ранних славянофилов, и работы их исследователей. Об идее соборности в творчестве Хомякова писали многие. В их числе много лет занимающийся изучением интеллектуальной традиции славянофилов нижегородский исследователь Л.Е. Шапошников. Из последних работ, посвященных истории славянофильства и соборности, нельзя не упомянуть работы Санкт-Петербургского исследователя В.М. Лурье, члена редколлегии вновь издаваемого полного собрания сочинения и писем А.С. Хомякова. Необходимо обратить внимание на известную и

знаковую работу польского исследователя Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии». Кроме этого, важными в плане анализа славянофильской традиции представляются работы В.З. Завитневича, В.В. Зеньковского, Н.А. Бердяева, В.Н. Ляковского, А.В. Горского, Б.Д. Смирнова, а также современных исследователей: П.Е. Бойко, Н.К. Гаврюшина, В.В. Горбунова, М.Н. Громова, А.Ф. Замалева, Н.С. Козлова, П.И. Линецкого, М.А. Маслина, С.В. Пишуна, С.Н. Пушкина, В.Ш. Сабирова, В.А. Фатеева, А.А. Федорова, С.С. Хоружего, В.И. Холодного, А.В. Малинова, А.А. Тесли, П.В. Хондзинского, А.И. Кырлежева, Ф.А. Гайды, А.О. Титовой, В.Н. Сагатовского, А.Н. Лазаревой, А.П. Дмитриева, В.А. Ячменика, Н.К. Сюдюкова и других.

Вопросы, связанные с анализом категории соборности в русской метафизике всеединства, объективно более проработаны, в том числе на фундаментальном уровне. Данная часть работы базируется, с одной стороны, на исследованиях первоисточников (трудов Шеллинга, Гегеля, В.С. Соловьева, свящ. Павла Флоренского, свящ. Сергия Булгакова, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, Н.А. Бердяева), с другой – важных для всестороннего осмысления заявленной темы исследовательских работ Н.А. Бердяева, В.З. Завитневича, В.В. Зеньковского, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова, Е.Н. Трубецкого, Г.В. Флоровского, С.И. Фуделя, Л.М. Лопатина, а также современных исследователей – П.Е. Бойко, Н.А. Вагановой, Г.А. Ваттера, П.П. Гайдено, Л.Е. Шапошникова, Н.К. Гаврюшина, В.В. Горбунова, М.Н. Громова, А.Ф. Замалева, Н.Е. Зернова, Н.С. Козлова, С.В. Котиной, О.Д. Куракиной, В.М. Лурье, В.И. Холодного, С.С. Хоружего, Н.В. Мотрошиловой, Е.В. Мочалова, Г.Е. Аляева, Т. Оболевич, Т.Н. Резвых, В.Ш. Сабирова, В.В. Сербиненко, В.С. Поповой, А.В. Малинова, М.Ю. Загирняка, А.А. Тесли, Ю.Н. Митрофанова, П.В. Хондзинского, Н.Н. Павлюченкова, И.Б. Гаврилова, С.М. Половинкина, К.В. Преображенской,

С.Н. Пушкина, В.И. Савинцева, Л.Н. Столовича, А.Н. Лазаревой, А.И. Власенко, А.В. Тонковидовой, И.А. Треушникова, А.А. Фролова, В.А. Фатеева, А.А. Федорова, Ю.Б. Мелих, А.М. Хамидулина, Ю.К. Волкова, Д.В. Семикопова, Н.К. Сяндюкова и других.

По теме соборности имеется и ряд диссертационных исследований, прошедших защиту в последние десятилетия, среди которых хотелось бы выделить работы А.Л. Анисина¹, Г.В. Барсукова², О.А. Евреевой³, В.Н. Засухиной⁴, В.В. Ковалева⁵, Е.В. Кньш⁶, А.Ю. Кузнецова⁷, Е.О. Непоклоновой⁸, В.Н. Харина⁹.

Предмет исследования – содержание и трансформация идеи соборности в трудах русских религиозных философов второй половины

---

¹ Анисин А.Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2011. – 406 с.

² Барсуков Г.В. Феномен соборности: онтологические и гносеологические аспекты: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.01. – Магнитогорск, 2013. – 158 с.

³ Евреева О.А. Идея соборности: социально-философский анализ. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Москва, 2006. – 162 с.

⁴ Засухина В.Н. Соборность как нравственный идеал в русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.05. – Санкт-Петербург, 2000. – 187 с.

⁵ Ковалев В.В. Соборность как фактор культурного единства российского общества: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 1998. – 153 с.

⁶ Кньш Е.В. Христианские практики соборности в постсекулярной культуре: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 24.00.01. – Екатеринбург, 2018. – 162 с.

⁷ Кузнецов А.Ю. Философия соборности как обоснование концепций российской идентичности: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Екатеринбург, 1999. – 111 с.

⁸ Непоклонова Е.О. Идея соборности в творчестве А. С. Хомякова: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01. – Санкт-Петербург, 2002. – 180 с.

⁹ Харин В.Н. Социально-философский анализ категорий "соборность", "служение" и "должное": на материале концепции С.Л. Франка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Пермь, 2004. – 215 с.

XIX-начала XX века (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Ф.Ю. Самарина, И.С. и К.С. Аксаковых, В.В. Розанова, В.С. Соловьёва, братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина).

Объект исследования – философское наследие отечественных мыслителей второй половины XIX – начала XX веков, раскрывающее категорию соборности как «единство во множестве» в рамках славянофильской традиции и отечественной метафизики всеединства, а также другие работы, позволяющие раскрыть поставленную в диссертации проблему, достичь исследовательской цели диссертации.

Цель исследования – на основе комплексного анализа дать системное описание феномена соборности в русской философской традиции славянофильства второй половины XIX века и выявить специфику рецепции данной категории в отечественной метафизике всеединства начала XX века.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи исследования**:

1. Анализ идейных источников отечественного учения о соборности.
2. Характеристика учения о соборности в философии И.В. Киреевского и А.С. Хомякова.
3. Реконструкция представлений о соборном принципе в социальном и историософском контекстах в наследии братьев И.С. и К.С. Аксаковых и Ю.Ф. Самарина.
4. Демонстрация историко-философской трансформации и рецепции категории соборности в метафизике всеединства В.С. Соловьёва.
5. Анализ особенностей рецепции категории соборность в философии братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких.

6. Рассмотрение места учения о соборности в религиозно-философских взглядах П.А. Флоренского.

7. Интерпретация соборности в контексте развития религиозной философии С.Н. Булгакова: от метафизики всеединства к персонализму.

8. Анализ идеи соборности как «единства во множестве» и её значения в наследии С.Л. Франка.

9. Реконструкция содержания понятия соборности в философии Л.П. Карсавина.

10. Реконструкция содержания понятия соборности как значимого принципа универсального персонализма в философском учении Н.А. Бердяева.

Хронологические и типологические рамки исследования – вторая половина XIX – первая половина XX веков. При этом исследование, с одной стороны, ограничено появлением категории «соборность» в трудах славянофилов, с другой – творчеством тех мыслителей, которые сформировали отечественную традицию метафизики всеединства.

Выбор персоналий, изучению наследия которых посвящено данное исследование, определяется двумя факторами: хронологическими рамками и их принадлежностью к традиции русской религиозной философии. В связи с этим за рамками работы остается ряд, безусловно, важных и интересных тем. В частности, проблема рецепции категории «соборность» русским академическим богословием и возникновение «нового богословия», опирающегося на критику западного юрицизма и авторитаризма с позиций нравственного идеала соборности¹⁰. Исследование не затрагивает и проблему интерпретации категории

---

¹⁰ Таковую рецепцию можно найти в богословском наследии митр. Антония (Храповицкого), патр. Сергия (Страгородского), священномуч. Илариона (Троицкого), Е.П. Аквилонова, еп. Сильвестра (Малеванского) и др.

«соборность» в философских и богословских течениях, возникших в русской эмиграции после 1917 года, – евразийства, сменовеховства, неопатристического синтеза и пр.

Таким образом, опираясь на историко-логический метод, мы исследуем генезис категории «соборность» и ее рецепцию в русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв.

Методология и методы диссертационного исследования. В основу работы легли важнейшие методологические принципы, положения и категории современной философской науки и историко-философского знания, основанные на достоверном и объективном рассмотрении фактов. Теоретико-методологической базой исследования послужила концепция «соборность как “единство во множестве”».

В исследовании применяются следующие **методы**:

а) *аналитический*, позволяющий, с одной стороны, выявить необходимый в контексте заявленной темы материал исследования, с другой – в самом исследовании обозначить логику развития анализируемых идей;

б) *диалектический*, способствующий объективному рассмотрению предмета исследования, в данном случае – учения о соборности как «единстве во множестве» в его идеально заданных параметрах, а также в религиозно-философском и социокультурном контексте.

в) *историко-логический*, дающий возможность, с одной стороны, провести реконструкцию логики становления учения о соборности, а с другой – показать многообразие различных подходов к пониманию значения соборности в различные периоды истории;

г) *типологический*, позволивший систематизировать полученные данные относительно предмета исследования и на основании их сделать выводы, соответствующие гипотезе и цели исследования.

д) *феноменологический*, помогающий провести процедуру соотнесения различных сторон и компонентов феномена с целью установления его инвариантной смысловой структуры.

Эмпирической базой исследования выступают историко-философские и философско-богословские труды зарубежных и отечественных религиозных философов, позволяющие, во-первых, выявить отношение мыслителей к проблематике соборности как «единства во множестве», а во-вторых, показать историко-философский процесс развития соборной феноменологии в отечественной философской традиции – от славянофилов к метафизике всеединства.

Научная новизна работы заключается в:

- проведенном автором анализе генезиса категории «соборность» как оригинальной интерпретации концепции «единства во множестве» в изводе немецкого идеализма и консервативного романтизма, переосмысленных основателями славянофильства И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым в религиозно-социальном ключе;
- исследовании социально-политических истоков соборных интуиций в историософии Ю.Ф. Самарина, братьев К.С. и И.С. Аксаковых и В. В. Розанова и установлении связи данных интуиций с категорией общинности;
- полученной авторской интерпретации особенностей рецепции славянофильской категории соборности в метафизике Богочеловечества у братьев Трубецких, собственно введших сам термин в контекст метафизики всеединства;

- проведенном сравнительном анализе тринитарной онтологии, представленной в трудах отца Павла Флоренского и священника Сергия Булгакова в свете концепции персонализма;
- полно проведенном сопоставительном анализе интерпретации соборности в оригинальных метафизических системах Л.П. Карсавина, С.Л. Франка и Н. А. Бердяева.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования выражается во всестороннем историко-философском обосновании основного принципа соборности как «единства во множестве», а также в необходимости уточнения и систематизации источниковой базы данной проблематики.

Практическая значимость работы обусловлена ее направленностью на разрешение ряда актуальных проблем современного общества в российском религиозно-общественном контексте. Полученные в данном диссертационном исследовании выводы могут быть использованы при составлении вузовских учебных и специальных курсов и семинаров по философии, религиоведению, социологии в контексте изучения восточного христианства. Также полученные выводы могут быть использованы в культурно-просветительской работе с молодежью, военнослужащими, госслужащими и иными социальными группами.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория соборности впервые появляется в отечественной философии в рамках славянофильской традиции, а именно в русских переводах сочинений А.С. Хомякова, осуществленных Ю.Ф. Самариним и Н.П. Гиляровым-Платоновым. С большой вероятностью авторство самого термина принадлежит Самарину. Смысловое же содержание данного понятия принадлежит А.С. Хомякову и И.В. Киреевскому и может рассматриваться как интерпретация в качестве принципа «единства во

множестве» экклезиологической категории кафоличности как всеобщности.

2. А.С. Хомяков в своих сочинениях не только предпринимает попытку философского осмысления соборности через определение ее как «единства во множестве», но и пытается проанализировать генезис соборного сознания русского общества от принятия православия до середины XIX века. При этом он обращает особое внимание не только на антиномию идеального и реального в вопросе реализации соборных начал в Русской православной церкви, но и вскрывает основное противоречие всей европейской мысли, возникшее после антропологического поворота Декарта и Канта, а именно противоречие между индивидуальным и общим, личностным началом и началом коллективным, тем самым инициировав начало активного обсуждения этих тем в русской интеллектуальной среде.

3. В славянофильской мысли складывается историософская схема, наиболее ярко прописанная в наследии Ю.Ф. Самарина, согласно которой, с одной стороны, католическая традиция деспотично следует принципу единства вокруг Папы Римского (*деспотия одного*), а с другой – протестантская деноминация отстаивает множество (*деспотия каждого*). Полагаем, что именно православная трактовка понятия соборности, развитая в философии славянофилов и последующей рецепции этого понятия в русской религиозно-философской мысли начала XX века, отражает наиболее гармоничное соотношение природного единства и ипостасного множества в соборном устройстве Церкви.

4. У братьев Аксаковых соборные интуиции связаны не столько с Церковью, сколько с политическим устройством и историей Руси. Константин Аксаков противопоставляет Государство и Земщину, считая, что монархическая власть должна предоставить свободу народу, который

добровольно передал всю власть монарху, ради внутренней гармонии. У Ивана Аксакова Царь вместе с народом должен участвовать в создании соборного общества, чуждого разделений. И та, и другая либерально-консервативные утопии не нашли какого-либо понимания со стороны властей.

5. Соборная проблематика хоть и возникает в творчестве славянофилов, вовсе не играет в их мысли центральной роли. Все меняется при переходе к метафизике всеединства – основе русской религиозно-философской традиции, в которой категория соборности онтологизируется, становится фактически базовым свойством разумного творения. Центральная роль в данном процессе принадлежит В.С. Соловьеву, редко употреблявшему сам термин, но онтологизировавшему принцип соборности как «единства во множестве» в своей философии Богочеловечества.

6. У братьев Трубецких мы находим синтез славянофильской соборности и соловьевской идеи Богочеловечества. Сергей Николаевич Трубецкой разрабатывает тему соборного сознания, являющегося основой любого индивидуального сознания в принципе. Именно Сергей Николаевич вводит сам термин соборность в контекст метафизики всеединства. Соборность в интерпретации его брата, Евгения Николаевича, – это свойство коллективного сознания, которое именно в Церкви становится соборным благодаря действующей в ней парадигме Богочеловечности. При этом у Евгения Трубецкого Вселенское Сознание или Сознание Абсолюта – вечно, пребывает вне мира становления и является тем соборным сознанием, к которому человечество устремлено эсхатологически и которого оно достигает посредством Богочеловечества. Концепция соборности Евгения Николаевича Трубецкого более близка к догматическим установкам православной традиции, в то время как

универсальная соборность в интерпретации С.Н. Трубецкого соответствует религиозно-философскому подходу.

7. Оригинальное развитие принцип соборности получает в религиозно-философской мысли П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова, фактически разработавших концепцию Софии как соборной природы, соединяющей персоналистическое множество в единстве Абсолюта согласно триадологической парадигме, преодолевающей антиномию личности и природы. Считаем, что в их богословии соборность становится основой концепции многоипостасного, но единого по природе человечества, эсхатологически отражающего образ Троицы. Данная модель потом будет заимствована прот. Г.В. Флоровским и другими последователями «неопатриотического синтеза».

8. Проблема соотношения индивидуального и коллективного начал находит своё оригинальное решение в концепции симфонической личности Л.П. Карсавина, в рамках которой индивидуальная личность – лишь часть симфонической, являющейся, в свою очередь, проявлением Абсолюта как всеединого. Таким образом, в соборном единстве проблема множества - в результате - снимается, но при этом теряется и сама соборность, которая может рассматриваться лишь как акциденция единого человечества, а вернее единого человека.

9. В философской системе С.Л. Франка категория соборности трансформируется в «сверхвременное единство», составляющее онтологическую основу всякой социальной реальности, но в то же время не тождественную ей. Таким образом, соборность становится эсхатологической категорией, парадоксально трансцендентной эмпирической реальности, но в то же время её определяющей.

10. Принцип соборности особым образом переосмысливался в рамках социокультурного кризиса, который стал очевидным для

русского общества в начале XX века. «Освобожденная» от традиционной культуры личность начинает поиски новой коллективной идентичности, которая, с одной стороны, позволила бы ей стать частью общества, а с другой – сохранить при этом новообретенную свободу. Славянофилы же предлагали правительству социальный идеал, основанный на православном принципе соборности. Это было типичное «изобретение традиции» с целью построения нового общества с либеральными свободами на консервативных началах, т.е. славянофилы предлагали строить гражданское общество с невиданным уровнем свобод с опорой на православную консервативную идеологию, видя в этом особый путь России.

11. Для представителей традиции всеединства необратимое разделение русского общества стало очевидным. В этих условиях соборность трансформировалась в эсхатологическую категорию, предлагающую выход из индивидуалистического кризиса. Для славянофилов соборность была способом возвращения к социальному единству, которое они считали очевидно существующим до эпохи Петра, то есть до начала прозападных реформ, через преодоление грехов индивидуализма и рационализма. Для людей эпохи наступившего русского модерна кризис был очевиден, а революция, в той или иной форме, неизбежной. В этой катастрофической ситуации понятие соборности становится эсхатологическим и приобретает черты личностного идеала, дающего возможность конкретному индивиду через преодоление собственной свободы достичь Абсолюта и вечности.

Апробация результатов исследования проходила на кафедре философии и теологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», в Чебоксарском епархиальном духовном училище, в Центре подготовки церковных

специалистов имени святителя Гурия Казанского Чувашской Митрополии, а также осуществлялась через участие во всероссийских конференциях, как то: «Духовно-нравственное состояние общества и православие: XXII Рождественские православно-философские чтения» (г. Н. Новгород, 2013 г.), «Отечественные духовные традиции и православие: XXIII Рождественские православно-философские чтения» (г. Н. Новгород, 2014 г.), «Вызовы в современном обществе: неоязычество, псевдорелигии, псевдокультуры» (г. Алатырь, 2015 г.), «Образ России в русской религиозной мысли: XXV Рождественские православно-философские чтения» (г. Н. Новгород, 2016 г.), I-IX Межрегиональные Свято-Гурьевские образовательные чтения (г.Чебоксары, 2017-2025 гг.), I Международные Свято-Гурьевские образовательные чтения (г. Чебоксары, 2019 г.); «Религиозный фактор в истории Восточной Европы (XVII-XXI вв.)» (г. Чебоксары, 2023 г.).

Кроме того, внедрение результатов исследования осуществлялось в воспитательном процессе военнослужащих войсковой части 3278 (г. Санкт-Петербург) управления Северо-Западного ордена Красной Звезды регионального командования внутренних войск МВД России на занятиях по общественно-государственной подготовке, индивидуально-воспитательной работе, в рамках морально-психологического обеспечения военной службы (что подтверждено соответствующим «Актом внедрения» от 25 мая 2015 г.).

Результаты исследования используются в качестве дополнительного источника при изучении спецкурса «Основные этапы истории РПЦ» на отделении «Теология» НГПУ им. К. Минина, а также при подготовке к занятиям на кафедрах «Гуманитарных и социальных наук», «Военной педагогики и психологии» и в военно-научной работе курсантов Пермского военного института войск национальной гвардии (что

подтверждено соответствующими «Актом внедрения» от 23 июня 2016 г. и «Актом внедрения» от 01 ноября 2023 г.).

Структура и содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Список использованной литературы содержит 268 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

***Первая глава* – «ГЕНЕЗИС ИДЕИ СОБОРНОСТИ: ФОРМУЛИРОВКА СЛАВЯНОФИЛАМИ ОСНОВНЫХ СОБОРНЫХ УСТАНОВОК»** – посвящена истории возникновения категории «соборность» в русской философской традиции славянофилов. В ней анализируются идейные истоки понятия соборность, исследуются религиозно-философский контекст возникновения данного термина и его категориальная структура, рассматриваются основные признаки соборности как философского понятия.

***Первый параграф главы* – «Идейные источники славянофильского учения о соборности»** – рассматривает историю происхождения термина «соборность» в его соотношении с греческим ортодоксальным термином «кафоличность». Констатируется, что впервые на русском языке в религиозно-философском контексте этот термин появляется в русских переводах брошюр А.С. Хомякова. Наиболее вероятным автором перевода выступает Ю.Ф. Самарин. Если же исходить не из филологического, а из философского контекста, смысловая концепция данной категории принадлежит, безусловно, А.С. Хомякову и является его авторской интерпретацией принципа «единства во множестве», взятого из наследия немецкого идеалиста Ф.В.Й. Шеллинга. Ю.Ф. Самарин, в свою очередь, находился под влиянием немецкой идеалистической философии Г.В.Ф.

Гегеля. Однако исследование показывает, что речь идет вовсе не о простом заимствовании, а об осмыслении отечественными философами православной экклесиологии через призму понятийного аппарата немецкой философской традиции, то есть о своего рода «романтизации» православной богословской традиции с целью её актуализации. При этом славянофилы считали, что именно в православии, благодаря его соборному характеру, разрешается антиномия человеческой свободы и природной необходимости.

Второй параграф первой главы – «Историософия И.В. Киреевского и новая экклесиология А.С. Хомякова» – посвящён анализу реализации принципа соборности как «единства во множестве» в историософии классиков славянофильства, из которой рождается и экклесиологическая мысль А. С. Хомякова.

Первенствующая роль в построении славянофильской историософии принадлежит И.В. Киреевскому. Молодой Киреевский был романтиком: ему был чужд восторг перед новой капиталистической цивилизацией Запада, скорее, он был влюблен в её рыцарское прошлое. Он надеялся на возвращение религии в общественную жизнь и на сознательное перерождение последней на религиозных началах. В этот период Киреевский – последователь философии тождества Шеллинга, и именно в этом духе он формулирует первую свою историософскую концепцию, нашедшую своё выражение в статье «Девятнадцатый век».

Анализируя пути Просвещения в Европе, Киреевский указывает на определенную его диалектику, а конкретно на то, что на смену отрицательной логической философии приходит историческая положительная система мысли. Он выступает в качестве апологета проекта позитивной философии Шеллинга. Наследниками этого нового

Просвещения могут стать новые народы, например Россия и Америка, не имеющие органических связей с античным прошлым Европы.

Историософские акценты меняются после обращения Киреевского в православие, которое состоялось благодаря исключительному влиянию на него благочестивой жены. Как известно, Киреевский был духовным чадом оптинских старцев. В результате он отходит от своего западничества и формулирует основы славянофильской историософии, в которой содержится и *протоформа* соборности.

Европейская культура формируется под влиянием христианства, варварских культур и античного наследия. Отличие России в том, что у неё не было этого античного наследия, что теперь, скорее, плюс, чем минус, так как именно в античном наследии содержались те начала, которые в своем развитии привели к кризису европейской культуры - *рационализм и индивидуализм*. Рим не знал живого общинного единства, единство римского общества было правовым. Именно право стало регулятором межличностных отношений, а гарантом соблюдения права – государственная сила, переходящая в насилие.

Второй элемент историософской схемы Киреевского – русская государственность, которая возникла не вследствие завоевания, но по причине призвания власти. Здесь Киреевский говорит о том, что в России государственность произошла из общего единомыслия, отражающегося в стройной цельности общественного организма.

Говоря об индивидуализме, Киреевский обращает особое внимание на западный феодальный строй, на рыцарство, которое и воплотило этот принцип индивидуализма, когда каждый рыцарь внутри своего замка был как отдельное государство.

Но основой различий западной и русской цивилизаций является религия, которая и определяет их характер. Так, в католичестве победил

рационализм, приведший богословие к развитию схоластики и отвлеченным спорам. Тот же рациональный дух после схоластики был унаследован субъективизмом Декарта, но окончательное своё выражение он нашел в панлогизме Гегеля.

Историософия Киреевского была выстроена в полемическом ключе, с опорой на то, что Россия, имеющая в своей основе православную традицию, может предложить альтернативу проекту западного Просвещения, разрушающему традиционные структуры общества. Хомяков видел в религиозных традициях цивилизационную основу общества. Поэтому его критика западного проекта выстраивается как полемика с католичеством и протестантизмом. Это и приводит к тому, что Хомяков наряду с историософской проблематикой разрабатывает проблематику экклезиологическую, что, однако, не приводит к политико-теологическому подходу, рассматривающему Церковь и государство по аналогии. Для Хомякова Церковь, будучи имманентной в своих земных членах обществу и государству, является в то же время трансцендентной социуму. Интересно, что Хомяков, не будучи мистиком, вводит иррациональное начало в свою интеллектуальную систему, руководствуясь в первую очередь своим личным религиозным опытом. Основную ошибку Запада русский мыслитель видит в рационализме, ведущем к провозглашению разума высшим авторитетом. Рационализм католический схоластики влечет за собой механистический подход, в котором Церковь рассматривается как иерархическая структура во главе с Папой, что превращает её в религиозное государство, в котором свобода отдается в рабство внешнему авторитету. Протестантский рационализм реализует иную, горизонтальную структуру, в которой единство здания-механизма приносится в жертву субъекту, выстраивающему с другими субъектами внешние отношения.

В противоположность этой инославной экклезиологии славянофилы видят в православии антиномичное и иррациональное сочетание единства и свободы, выраженное в принципе соборности, отражающей внутритроичную онтологию Бога, Который есть Любовь. И эта любовь, являясь основой Церкви, формирует её как Тело, то есть живой организм. Очевидна утопичность данных построений, на которую обращали внимание критики славянофилов с самого начала. Эта идеальная картина имеет слабое отношение к институциональной реальности Русской Церкви в XIX веке. Впрочем, и сами славянофилы жёстко критиковали современные им церковные реалии, видя в формализме церковной бюрократии и скучной схоластике официального русского богословия влияние всё того же рационалистического Запада. Таким образом, они сформировали некий идеал православной соборности, иррационально таящийся в онтологической и исторической глубине православной традиции, – своего рода ретроутопию.

Экклезиология Хомякова тесно связана с его историософией, в которой он, не используя категорию соборности, тем не менее подробно анализирует соотношение свободы и необходимости в историческом процессе, предписывая в качестве идеала всё тот же принцип «единства во множестве». В его историософии цивилизации формируются под давлением двух религиозных начал – иранства и кушитства, дифференцированных по критериям свободы и необходимости. В жизни каждого народа превалирует одно из этих начал, более того, соотношение их может меняться в ходе исторического процесса. Естественно, центральное место в своей историософии он отводит России.

История России рассматривается Хомяковым как диалектическое развитие принципа «единства во множестве», порождаемого цивилизационной динамикой соединения и противостояния всё тех же

двух принципов: свободы и необходимости. Само византийское христианство, хоть и воплощало принцип изначальной христианской свободы, но было заражено эгоистическим аскетизмом, что препятствовало построению общества как живого организма. Принципу единства противоречили и интересы князей, и независимость вечевых сообществ. Но тут является необходимость в виде татаро-монгольского нашествия, что приводит к построению необходимого единства, что, однако, сковывает свободу. И далее вся история развивается как сочетание и противоборство единства - необходимости и множества - свободы. Но в результате формируется соборная основа русского народа, приводимого в единство монархической бюрократией, в виде необходимости. При этом явными становятся либеральные симпатии Хомякова, видящего основу органичности соборного проекта русской цивилизации в народе и присущей ему общинности.

Третий параграф первой главы – «Категория соборности и русская консервативная утопия второй половины XIX – начала XX веков» – исследует проблему соборности в контексте развития консервативной мысли в России в соответствующий период.

Сам термин «соборность» не употреблялся отцами-основателями славянофильства. Его автором, по всей видимости, можно считать Юрия Федоровича Самарина – одного из самых преданных учеников А.С. Хомякова и так называемого «православного гегельянца». Последнее прозвище он разделяет с другим мыслителем-славянофилом и своим ближайшим другом Константином Аксаковым. Брат же последнего, Иван, считается, в свою очередь, «последним из отцов», то есть последним из плеяды мыслителей-славянофилов, относящихся к классической для этой традиции эпохи. Помимо этого в данном параграфе рассматривается

наследие одного из самых оригинальных мыслителей консервативного направления конца XIX – начала XX веков В.В. Розанова.

Розанов был уникальной и противоречивой личностью, сыном своего времени, и он ощущал, что сама эта противоречивость, разобщенность – одна из основных причин трагичности истории современной ему России. Он не был славянофилом, но многое из их наследия ему было близко, в том числе и ключевое понятие соборности, которое он понимал как нравственное единство, реализуемое на разных уровнях – семьи, народа, церкви.

Розанов – одна из самых трагичных фигур в истории русской философии. Вся его философия была связана с исчезающими на его глазах формами. Безжалостная история стирала все то, что ему было дорого. Он видел этот распад и проповедовал возвращение к стихийным началам, вплоть до поглощения ими. Революция была воспринята им как реальный апокалипсис, как конец России, а значит, и конец всего.

В этом он был весьма близок к исходным установкам славянофилов, с их любовью к народу, быту, семье, которые уничтожались и уничтожаются западноевропейским индивидуализмом и рационализмом. Сама свобода понималась славянофилами именно как субстанциональная категория. Соборность – это и есть свобода, которая обретается личностью только в Церкви. И эта соборная свобода отличает православие от иных христианских исповеданий. Как следствие, воспитанный православием русский народ проявляет эту свободу в общинности как аналоге соборности.

Славянофилы предлагают через церковную соборность вернуться к надындивидуальной общности, преодолев то разделение, которое внесли в некогда единый русский народ прозападные реформы династии Романовых. Именно поэтому славянофилы начинают от царя требовать

почитания этого соборного принципа, то есть церковно-народной свободы, за что, в свою очередь, периодически преследуются государством и находятся под его постоянным надзором: их журналы и газеты запрещаются, а некоторые из мыслителей, как например Ю.Ф. Самарин, даже попадают под арест.

И действительно, если мы возьмем проекты братьев Аксаковых, то вполне очевидным окажется следующее. Константин Сергеевич делит всё на «Земщину» и «Государство», причём, что немаловажно, государству он оставляет презренную власть, а за земством оставляет свободу. И предлагает договор: давайте не будем вмешиваться в дела друг друга. Вы нам оставляете свободное и самоуправляемое земство, а мы со своей стороны, скажем так, терпим ваше государство. Не случайно, как мы увидели, его считали предшественником русского анархизма.

Его брат, Иван Сергеевич, предлагал нечто другое. Наиболее оправданной формой сосуществования государства и общества ему виделся союз монархии и народа ради создания соборного, то есть свободного общества, к которому отойдут все сферы, кроме политической. В этой связи интересным представляется тот факт, что оба брата считали себя монархистами, при этом подчёркивая, что во власти нет ничего священного, а монархия – наилучшее правление, так как монарх берет абсолютную власть на себя, тем самым освобождая от этого зла других.

Всё это политическое богословие и выстраивалось из соборной аксиомы церковного устройства, которую должна была признать, по мнению славянофилов, и власть, коль скоро она православная.

Вторая глава – «РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА И БРАТЬЕВ ТРУБЕЦКИХ» – рассматривает категорию соборности в традиции русской софиологии, в философском наследии ее основателя Владимира Соловьева и его

ближайших соратников братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких. С одной стороны, в русской софиологии происходит усугубление интереса к теме персонализма, которая хоть и была обозначена в славянофильской традиции, однако не играла в ней центральную роль, как в философии всеединства. С другой стороны, софиология расширяет тему соборности до космологического аспекта, преодолевая рамки историософии и экклезиологии, столь важные для славянофилов. Русская софиология онтологизирует соборность.

Первый параграф второй главы – «Развитие идей соборности в учении о всеединстве В.С. Соловьева» – анализирует рецепцию соборности в наследии Владимира Сергеевича Соловьева. В этой рецепции надо различать два периода в эволюции историософских взглядов Соловьева: первый – ранний, славянофильский, второй – теоретический, настроенный к славянофильству критически. В итоге налицо существенное различие в трактовках соборности в двух важнейших направлениях отечественной философии.

Во-первых, если у славянофилов во главе с А.С. Хомяковым соборность как «единство во множестве» имеет универсальный характер, то у В.С. Соловьева соборность носит конвенциональный характер, являясь одним из способов структурной организации церковной жизни, не имеющим абсолютного значения. Мы видим, что ту роль, которая в философии славянофилов отведена соборности, в наследии Соловьева играет идея всеединства, приводящая к тождеству единого и многого. Во-вторых, славянофильская соборность реализуется в основном в социальной сфере и церковной среде, тогда как принцип всеединства, замещающий у Соловьева принцип соборности, является онтологическим, определяющим телеологическое бытие всего Космоса. В-третьих же, тождественность единого и многого достигается Соловьевым через посредство Софии, как

соборной Церкви, эсхатологически реализующей соборность Абсолюта и человеческой личности в едином Богочеловечестве.

Второй параграф главы – «Концепция соборного сознания С.Н. Трубецкого» – рассматривает наследие Сергея Николаевича Трубецкого, разработавшего оригинальную концепцию соборного сознания, которое есть сознание универсальное, общечеловеческое, не связанное, как у славянофилов, с какой-либо национальной историософией. При этом важно понимать, что соборное сознание находится в состоянии постоянного становления и развития, играя тем самым роль эсхатологического *идеала*.

И идеал этот достижим только при наличии соборного сознания, которое не только играет в системе Трубецкого роль трансцендентального сознания Канта, но и имеет личностное измерение. Подобная антиномичность, впрочем, так и не была объяснена Сергеем Николаевичем, что не ускользнуло от его современников.

Князь Сергей Трубецкой попытался найти в соборности некий универсальный ключ, который должен был решить проблему индивидуализма. Ключ этот он заимствовал у славянофилов. Русский мыслитель через критику трансцендентального субъекта Канта приходит к отрицанию пантеистических следствий из этой доктрины, которые мы можем найти у Гегеля и Шеллинга, в системах которых сам Бог становится заложником собственного становления, восходя от бессознательного коллективного к сознательному личному в человеке. В этом мировоззрении объект ставится в зависимость от субъекта. Фактически мир объектов существует только в сознании человека, становясь тем самым вторичным по отношению к сознанию.

Трубецкой не приемлет такого подхода, он сторонник, с одной стороны, античного объективного идеализма, а с другой - христианского

теизма. В этом плане его место в истории русской религиозно-философской мысли весьма значительно. Именно он совершает поворот от панэнтеизма Соловьева к классическому теизму.

Иначе говоря, соборность у него — это социальный идеал, фактически совпадающий с Царством Божиим. Здесь, в нашем мире он находится лишь в потенциальном состоянии, но при этом он объективно реален для личного и безусловного Абсолюта. Мир объектов реален и вне нашего сознания, потому что есть Бог до и вне нашего сознания.

Построениям Сергея Николаевича Трубецкого не хватает системности, но им был сделан ряд важных шагов, содействовавших углублению рецепции категории соборности в русской метафизике всеединства.

Третий параграф второй главы – «Категория соборности в религиозно-философском наследии Е.Н. Трубецкого» – анализирует учение о соборности в религиозной мысли Евгения Николаевича Трубецкого. Главное отличие идей Евгения Николаевича от умозаключений Сергея Николаевича заключается в том, что у первого Богочеловечество существует изначально. Это реальность, относящаяся к вечности и поэтому чуждая становлению, предполагающему несовершенство. Богочеловечество, по мнению Трубецкого-младшего, как теоретический принцип было изначально, еще до сотворения всего, поэтому и математические законы также в него входят, просто мы этого еще не осознаем, поскольку не видим этой *соборной* картины в целом.

В позднем творчестве Евгения Трубецкого такой подход к пониманию соборности не претерпел существенных изменений. Он активно использует данный термин в своих иконологических этюдах. Соборность, данная здесь, на грешной земле, человечеству, потенциально актуализируется в Царстве Божиим, которое и изображается в иконописи.

Соборность в разделенном человечестве может быть реализована только через страдания и труд, в полноте же она будет реализована только в эсхатологической реальности, которая будет распространена не только на человечество, но и на все мироздание.

Итоговым трудом Евгения Николаевича, его *opus magnum*, стал трактат «Смысл жизни» (1918 г.). Богочеловечество и соборность здесь также выступают в качестве ступеней богопознания и обожения. Трубецкому удается сохранять принцип единства во множестве, благодаря обращению к Личности Христа как индивидуальному началу, соборно соединяющему множество человеческих ипостасей. В последнем своем труде он дает четкое определение соборности как явлению Самого Христа в коллективной жизни Церкви в Таинстве Евхаристии.

Трубецкой обращается к концепции становящегося в истории богочеловечества. Именно оно обладает соборным началом. Но основу этого соборного начала составляет Евхаристия как таинство Тела, собирающего в себе обновленный и преображенный мир, исторический центр которого находится в Церкви.

В результате, с одной стороны, братья Трубецкие выступают в качестве преемников славянофилов, от них наследуя понимание соборности как сущностного свойства Церкви и категории, содержащей смысл «единства во множестве». Они вполне разделяют славянофильскую критику католичества и протестантизма с позиций соборности.

С другой стороны, они и наследники мысли В.С. Соловьева. Им свойственен универсализм его подхода, они активно используют концепт Богочеловечества, при этом, очевидно, не разделяют филокатолических установок Соловьева, равно как им не свойственен и эзотеризм последующих софиологов.

Третья глава – «СОФИЙНЫЙ ПЕРСОНАЛИЗМ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА» – посвящена исследованию рецепции концепции и категории соборности в русской метафизике всеединства в первой половине XX века. Анализу подвергается наследие классиков этого направления: свящ. Павла Флоренского, С.Л. Франка, прот. Сергия Булгакова, Л.П. Карсавина. Отдельный параграф посвящается персоналистической мысли Н.А. Бердяева, во многом близкой интуициям всеединства, но и имеющей свои оригинальные черты.

Первый параграф третьей главы – «Место учения о соборности в религиозно-философских взглядах П.А. Флоренского» – анализирует место соборных интуиций в религиозной философии священника Павла Флоренского. В его наследии наряду с критикой экклезиологии Хомякова присутствует и рецепция соборности, которая выражается в построении триадологической модели Церкви по образу Троицы через антиномичную диалектику, разрабатываемую в его знаменитом трактате «Столп и утверждение Истины» в софиологическом ключе. В сущности, София – это и есть онтологизированная соборность. Отдельное место в параграфе отводится анализу политико-теологических взглядов Флоренского в поздний период, заключающихся в констатации необходимости преодоления крайностей бюрократического абсолютизма и демократического анархизма через реализацию многонационального государства, объединяющего индивидуальное многообразие в теократическом единстве. Постулируемая им «многообразность в единстве» есть интерпретация славянофильского соборного принципа «единства во множестве».

Второй параграф третьей главы – «Интерпретация соборности в религиозной философии С.Н. Булгакова: от всеединства к

персонализму» – содержит теологическую интерпретацию категории соборности в творческом наследии священника Сергия Булгакова. Соборная проблематика в его творчестве занимает одну из важнейших позиций, являясь своеобразным ключом к пониманию онтологически важных для его религиозно-философской системы мировоззренческих позиций. Действительно, связанные с соборностью как «единством во множестве» вопросы всеединства, софиологии, экклезиологии и триадологии в религиозно-философском наследии мыслителя тесно переплетены и отражают в своей сути, как мы убедились, новый этап в развитии соборной феноменологии. София земная и София Божественная, «ветхий» Адам и «новый» Адам, Церковь реальная и идеальная, я-сознание и сверх-сознание в триадологии, количественная и качественная соборность, а в их каждом отдельно взятом групповом единстве воплощение подлинного всеединства – все это есть то специфическое в развитии соборной феноменологии, что мы находим в творчестве мыслителя. Соборность в его софиологическом дискурсе является всеединой тварной Софией в её становлении, объединяющей ипостасное многообразие в единстве природы.

В третьем параграфе третьей главы – «Понятие соборности в философии Л.П. Карсавина» – анализируется оригинальная софиологическая концепция Льва Платоновича Карсавина в контексте его персоналистической системы, которая базируется на теории симфонической личности. В карсавинской диалектике всеединства и смежной с ней философии «симфонической личности» происходит рецепция славянофильской категории соборности как «единства во множестве» в евразийском контексте. В его системе каждая отдельно взятая личность, взаимодействуя с другим субъектом, составляет сначала двуединство и затем, включая в это взаимодействие другие субъекты, –

многоединство, то есть «единство во множестве». В своей экклезиологии Карсавин – прямой наследник Хомякова, интерпретирующий его интуицию соборности в философско-антропологическом ключе богословия диалога. Его концепция вхождения субъективной множественности в единство Церкви состоит в том, что классический карсавинский субъект-субъектный индивидуально обусловленный взаимообмен «качествами» в рамках перманентно формирующихся двуединостей («Бог-личность», «личность-личность») образует сначала поместные (национальные) церкви, а далее (по восходящей) многоединую соборную Церковь – личность как основанную на любви «сферу общих качестваний», или «симфоническую всеединую личность».

Четвертый параграф третьей главы – «Соборность как «единство во множестве» в идейном наследии С.Л. Франка» – исследует соборную проблематику в философском наследии Семёна Людвиговича Франка, мистический реализм которого вырастает из философии всеединства. Франк выстраивает персоналистическую феноменологию соборности. В его онтологии всеединства «мы-бытие» (или «истинное «мы»») становится «столь же индивидуальным, как «я» и «ты», то есть образовавшееся «мы» актуализируется в этой трихотомии «я-ты-мы» как «отдельно взятое», как новая индивидуальная единица, монада, индивидуальная коллективность, и в свою очередь вновь вступает в процесс формирования следующего витка в развитии данного синтеза. Так, по мнению Франка, можно говорить уже о взаимоотношении личности «я» с любой общностью других «самостей», как то: семья, церковь, государство. Таким образом, любое образованное «мы-бытие» преодолевает статус «однородной массы» и в определенной степени персонифицируется, субъективируется. По Франку, соборный принцип «единства во множестве» осуществляется в виде наработки связей в рамках персоналистических дихотомий,

взаимоотношений индивидуальных и индивидуально-коллективных «самостей» - таких, как, например, «я-государство», «я-церковь», «государство-государство», «церковь-церковь» (Поместные), «государство-церковь» и так далее, имеющих возможность, в логике идей С.Л. Франка, составить все новые и новые трихотомии «я-ты-мы».

Пятый параграф третьей главы – «Соборность как принцип универсального персонализма в философской системе Н.А. Бердяева» – содержит исследование влияния славянофильского учения о соборности на экзистенциальную философию Николая Александровича Бердяева. Экзистенциализм Бердяева основан на его радикальном персонализме, ставящем личность выше нации, государства, семьи, религии и природы. Но этот радикальный персонализм Бердяева не есть радикальный индивидуализм. Личность превышает всего, но этой высоты она может достичь только в диалоге с другими личностями. Субъективизм Бердяева, очевидно, не может довольствоваться размышлениями Хомякова о соотношении личного и общего. Он со своих религиозно-философских позиций проводит «проверку» последнего, рассуждая, насколько личности будет комфортно в предложенной славянофилами соборной системе координат, насколько эта система соответствует его индивидуальным переживаниям. Личность должна преодолеть искушение коллективными идолами и социальными авторитетами, дабы обрести полноту свободы – ключевой категории бердяевской философии. При этом интересно, что в рамках своей философской антропологии Бердяев отрицает индивидуалистическое понимание спасения. Напротив, мыслитель утверждает соборность спасения в Церкви – в духовном общении и через духовное общение, при этом очевидно, что это вовсе не простое взаимодействие отдельно спасающихся личностей, а то «единство во множестве», о котором писал Хомяков.

В заключении сформулированы основные выводы, результаты исследования, поставлены проблемы и определены направления для дальнейшего научного поиска.

Библиографический список состоит из 268 наименований. Общий объем диссертации 228 страниц.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ по научной специальности 5.7.2.:

1. Семикопов Д.В., Захряпин А.А., Лебедев И.А. Образ империи в русском историософском сознании: от славянофилов к евразийцам // Вестник Мининского университета. [Электронное издание]. – 2023. – Том 11. – №4 (45).

2. Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксенов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С. Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. [Электронное издание]. – 2022. – Том 10. – № 1 (38).

3. Лебедев И.А. Учение П.А. Флоренского о Софии как отражение его соборных интуиций // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Том 21. – Вып.1. – С. 137–142.

4. Лебедев, И.А. Историософия России А. С. Хомякова в свете его учении о соборности как о «единстве во множестве» / И. А. Лебедев //

Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 18. – С. 175–182.

5. Лебедев, И.А. Идеалистические взгляды Гегеля и Шеллинга как идейные источники учения А. С. Хомякова о соборности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 16. – С. 35–39.

6. Лебедев, И.А. Историко-философское формирование принципа соборности в контексте Нового завета // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 30–36.

Публикации в других российских научных изданиях:

1. Лебедев, И.А., Чазов, С.И., Цимберов, Д.М., Стрельцов, Р.В. «Единство во множестве». Монография. – Пермь, 2016. – 82 с. – С. 7–29.

2. Лебедев И.А., иерей. Соборные интуиции В. В. Розанова // Образ России в русской религиозной мысли: XXV Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т им. К. Минина, 2016. – 445 с. – С. 330–339.

3. Лебедев И., иерей. Генезис принципа «единства во множественности» в священном Писании Ветхого завета // Отечественные духовные традиции и православие: XXIII Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2014. – С. 95–108.

4. Лебедев И., иерей. Онтологический статус соборности и её значение для общества // Духовно-нравственное состояние общества и православие: XXII Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2013. – С. 132–138.

Лебедев Илья Андреевич

**РЕЦЕПЦИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО УЧЕНИЯ
О СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Подписано в печать
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 1,45
Тираж 110 экз. Заказ №

Отпечатано в Редакционно-издательском центре
ЧГПУ им. И.Я. Яковлева
428003, Чувашская Республика, г. Чебоксары,
Президентский бульвар, 19А